

Марк Твен

№44,
ТАИНСТВЕННЫЙ
НЕЗНАКОМЕЦ

Марк Твен

Три тысячи лет среди микробов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121711

№ 44, Таинственный незнакомец: Издательство политической книги;

Москва; 1989

Аннотация

Произведение, предлагаемое вниманию читателя, – труд исторический, тем не менее я вполне полагаюсь на его достоверность. Каждая его страница – убедительное доказательство того, что автор добросовестно излагает голые факты, не приукрашивая их вымыслом. Такая манера изложения, возможно, утомляет читателя, но зато дает пищу уму, я испытываю удовлетворение при мысли, что просвещенная публика, давно пресыщенная фантазиями на исторические темы, не подкрепленными ни единым фактом, будет, наконец, вознаграждена...

Содержание

Предисловие	4
I	7
II	9
III	13
IV	14
V	35
VI	46
VII	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Марк Твен
Три тысячи лет
среди микробов
Жизнеописание микроба
с примечаниями,
сделанными той же рукой
семь тысяч лет спустя
Перевод с микробского
Марка Твена. 1905 г.

Предисловие

Произведение, предлагаемое вниманию читателя, — труд исторический, тем не менее я вполне полагаюсь на его достоверность. Каждая его страница — убедительное доказательство того, что автор добросовестно излагает голые факты, не приукрашивая их вымыслом. Такая манера изложения, возможно, утомляет читателя, но

зато дает пищу уму, я испытываю удовлетворение при мысли, что просвещенная публика, давно пресыщенная фантазиями на исторические темы, не подкрепленными ни единым фактом, будет, наконец, вознаграждена. Из тысяч утверждений автора всего лишь два представляются спорными, и эти противоречивые утверждения (если их считать таковыми) вполне простительны, ибо обращает на себя внимание то, что автор сделал их с горечью и впоследствии раскаивался в своих словах. Если б не эти два недочета, весьма несущественные, разумеется, мне не пришлось бы просить читателя о снисхождении.

Переводчик

Я сохранил в переводе не только суть произведения, но и стиль автора. Сначала я исправлял и то, и другое, но потом отказался от этой затеи. Создавалось впечатление, будто я обрядил портового грузчика в смокинг и заставил его прочесть лекцию в колледже. Щегольской наряд сковывал его, безупречно правильный, изысканный английский язык в устах простолюдина звучал натянуто и неестественно, пожалуй – неприятно, холодно и безжизненно, я бы даже сказал – отдавал мертвечиной. И тогда я решил оставить автора в привычной для него одежде – рубашке и комбинезоне, – пусть лучше, по своему обыкновению, путается в словах. Пишет он неряшливо и много словно, все время отклоняясь от темы, с самодовольством,

какого я доселе не встречал, а его неграмотность может вызвать разрыв сердца. Ничего не поделаешь, принимайте его таким, какой он есть.

Переводчик

Титульный лист рукописи – неправильный.

В этом никто не виноват – несчастный случай.

I

Маг допустил ошибку в эксперименте – в те далекие времена было невозможно достать настоящие чистые реактивы – и в результате превратил меня не в птицу, как собирался, а в микроб холеры¹

Примечание (семь тысяч лет спустя)

Я пробыл микробом три тысячи лет (микроболет), когда приступил к этой повести. Сначала я намеревался для экономии времени и сил зафиксировать ее на механическом мыслефоне, но потом раздумал: а вдруг захочется коснуться чего-то личного? Впрочем, хочешь не хочешь, это придется сделать, так не все ли равно – обнародовать свою тайну в печати, и дело с концом, или доверить ее машине, которая раскроет ее любому негодяю, стоит ему повернуть ручку, – негодяю любой национальности, говорящему на любом языке? И я решил: напишу книгу на родном языке. Не так уж много суфласков² сможет ее прочесть, если она попадет им

---

¹ В первоначальном варианте вместо мага упоминалась мери Беккер Эдди. Раздосадованная неким сомнительным заявлением рассказчика, она воспользовалась своей сверхъестественной силой и превратила его в микроб холеры.

² «Суфласк» – слово придуманное Твенем. На «микробском» языке означает «микроб»

в руки; к тому же я начинаю забывать родной английский язык, и работа над книгой, несомненно, поможет мне освежить его в памяти. Б. б. Б.

II

Сначала я был недоволен своей судьбой, но это быстро прошло. Я заинтересовался тем, что меня окружало, мне захотелось поскорее все познать и освоиться в новой обстановке. По неведомым причинам я был прекрасно подготовлен к новому существованию – я сразу же прижился в новой среде, во мне заговорили инстинкты холерного микроба – его восприятие жизни, взгляды, идеалы, стремления, тщеславие, привязанности. Я так ревностно и страстно исповедовал идеи микробохолеризма, что превзошел в этом самих микробов холеры; уподобился нашим американским девушкам: не успеют выйти замуж за аристократа, как за неделю утрачивают демократизм, а за вторую – и американский акцент; я обожал весь микромир бацилл, бактерий, микробов, я отдал им весь жар своей души, – какой они могли вынести, разумеется; мой патриотизм был горячее их патриотизма, агрессивнее, бескомпромисснее, – короче говоря, я стал всем микробам микроб. Отсюда ясно, что я судил о микробах с их собственной точки зрения. В то же время я мог судить о них с человеческой точки зрения, и это обстоятельство вызывало ко мне особый интерес. И еще: я сохранил представление о человеческом исчислении времени, о человеческом периоде жизни и, вместе с тем, хорошо чувствовал микробское время, представлял себе их период жизни. В

человеческом исчислении десять минут означало десять минут, а в микробском – год. В человеческом исчислении час означал час, а в микробском – шесть лет. В человеческом исчислении день означал день, в микробском – сто сорок четыре года. В человеческом исчислении неделя была неделей, в микробском – тысяча восемь лет. В человеческом исчислении год был год, в микробском – пятьдесят две тысячи четыреста шестнадцать лет. Пользуясь летосчислением микробов, я мог увидеть в колыбели нежное юное существо и проследить его судьбу до самой старости – секунду за секундой, минуту за минутой, час за часом; крошка расцветает, превращаясь в прелестную девушку, сочетается узами брака с боготворимым ею юношей; достойная мать семейства, она взирает с любовью на миллионы своих малышей, воспитывает в них честь и благородство, оплакивает миллионы деток, умерших в раннем возрасте, ликует на миллионах веселых свадеб своих более удачливых детей; вот и приближающаяся старость дает о себе знать дряхлостью и морщинами, и наконец ее, освобожденную от печали и бремени жизни, опускают на вечный покой в могилу, я благословляю ее и провожаю слезами прощания – все это за сто пятьдесят лет по микробскому времени и за двадцать четыре часа по человеческому.

Незадачливый маг ввел меня в кровь старой развалины – опустившегося плешивого бродяги. Зовут его Блитцовский³,

---

³ Судя по записным книжкам Твена, замысел повести возник у него в 1884 году,

если он не врет; его выслали в Америку на пароходе из Австро-Венгрии; Австро-Венгрия устала от него. Летом он бродяжничает и спит в поле, а зимой побирается в городах и ночует в тюрьме, если спать в канаве слишком холодно; он был трезв всего лишь раз в жизни, но не помнит, когда это случилось, он никогда не бреется, не моется, не расчесывает свалявшиеся патлы, торчащие вокруг плечи; Блитцовский – невероятный оборванец и грязнуля, он злобен и жесток, мстителен и вероломен, он родился вором и умрет вором, он – богохульник, каких свет не видывал; его тело – сточная труба, помойка, свалка гниющих костей; в нем кишмя кишат паразиты-микробы, созданные на радость человеку. Блитцовский – их мир, их земной шар, владыка их вселенной, ее сокровище, ее диво, ее шедевр. Они гордятся своей планетой, как земляне – своей. Когда во мне говорит дух холерного микроба, я тоже горжусь им, восторженно славлю его, готов отдать за него жизнь, но стоит человеческой природе взять верх, как я зажимаю нос. Я не могу уважительно относиться к этому кладбищу старого мяса.

Прошло уже около трех недель с тех пор, как я стал микробом. По микробскому времени – около трех тысяч лет. О, какие это были века! Века радости, успеха, нищеты, надежд, отчаяния; сколько торжества, горя и страданий я испытал за тягуче-медленное течение столетий! Миллиарды моих лю-

---

когда он читал гранки «Гекльберри Финна». Отсюда – некоторая переключка. Герой повести именуется себя Геком, а Блитцов-ский, как и отец Гека, – бродяга.

бимых и верных друзей покидали эту юдоль печали, чтоб не вернуться никогда. Какие мрачные и какие лучезарные дни я пережил!

III

Я стал микробом с головы до пят и сразу почувствовал себя как дома. И не удивительно – не так уж велика разница между человеком и микробом. В мире микробов, как и в человеческом, существует великое множество разных наций и языков. Микробы полагают, что человек, в котором они обитают, – единственный разумный мир. Для них это огромный и удивительный мир, они гордятся им, будто сами его создали. Очень жаль, что одинокий старый бродяга никогда не узнает об этом: ведь похвала для него – большая редкость.

IV

Наш мир (Блитцовский), огромный, величественный, вызывает у нас, микроскопических существ, благоговейный трепет, как Земля у человека. В нашем бродяге есть горы, океаны, озера величиной с море, много рек (вены и артерии), шириной в добрых пятнадцать миль, а что касается длины этих рек, то она непостижима – Миссисипи и Амазонка по сравнению с ними – ручейки на Род-Айленд. Малым же рекам несть числа, и количество грузов, подлежащих обложению налогами, – заразы, которую они переносят, ни одной американской таможне и не снилось.

А почему бы нашему бродяге и не казаться величественным крошечным существам? Только представьте себе, какой жалкой пылинкой казался бы человек рядом с вертикально поставленным Американским континентом! Стоя на выпуклой нижней оконечности, большом пальце ноги континента – мысе Горн, человек, естественно, поднял бы глаза к небу; и какую же часть устремленного ввысь, скрытого дымкой колосса он охватил бы своим взором? От ступни до середины колена? Ничуть не бывало! Он не увидел бы и его десятой части! Колосс расплывался бы у него перед глазами и таял в небесах. С таким же успехом можно поставить одного из нас, микробов, на ноготь большого пальца ноги Блитцовского и сказать: «Глянь-ка вверх!» Результат будет тот же.

На нашей планете свыше тысячи республик, а что до монархий, так их тысяч тридцать. История некоторых монархий восходит к глубокой древности. Пусть не к моменту рождения Блитцовского (человеческое дитя появляется на свет чистым, не зараженным микробами, и это состояние продолжается три-четыре часа, то есть восемнадцать – двадцать лет по микробскому исчислению времени), но они ведут свое начало от первых микробных инвазий и нашествий; монархии, вопреки всем новейшим веяниям, берегут неограниченную королевскую власть как зеницу ока с тех давних пор и поныне, что охватывает период примерно в четыре с половиной миллиона лет. В одной из монархий династия, пришедшая к власти двести пятьдесят тысяч лет тому назад, удерживает власть и поныне. Это – династия Гной (Гной – их фамилия, вроде царской фамилии Романовы), а полный титул монарха – Его Августейшее Величество Генрих Д. Г. Стафилококкус Пиогенус Ауреус. Он стодесяти-тысячный монарх династии Гной, сидящий на троне. Все монархи этой династии носили имя Генрих. Латынь – Д. Г. (*Deus gratias*) означает «милостью божьей». Длинное слово Стафилококкус означает «резервуар гноя». Пиогенус в научном тексте переводится как «главный», в политическом – «Верховный», а в просторечии означает «свой парень», «молодчина» и выражает восхищение. «Aureus» означает «золотой». По протоколу в правительственных сообщениях титул читается следующим образом: «Генрих, милостью божьей верховный гнойный ре-

зервуар», простой же народ зовет его ласково – Генри золотой парень.

Нечто подобное мы наблюдаем в династии Reuss в Германии. Все принцы этой династии тоже звались Генрихами. Reuss – прекрасный старый королевский род, который, наряду с Гогенцоллернами, уходит корнями в глубокую древность, теряясь во мраке десятитысячелетней давности.

Английская монархия существует примерно восемьсот сорок лет и насчитывает тридцать шесть царствований, каждое из которых длилось в среднем двадцать три года. Почти такую же картину мы наблюдаем и в мире микробов. По крайней мере, так обстоит дело в великой монархии, о которой я упоминал, – она превосходит все страны планеты Блитцовского и по населению, и по амбиции. За три тысячи лет, проведенных здесь, мне довелось сто двадцать один раз брести с непокрытой головой в хвосте пышной похоронной процессии, искренне оплакивая очередного монарха достославной династии, а потом с высочайшего соизволения участвовать в празднествах в честь коронации его преемника. Этот суровый благородный королевский род, используя дипломатию и оружие, далеко продвинул границы своей державы. Каждый раз, лишая покоренную нацию свобод и религии, он навязывал ей взамен «нечто более ценное». И совершенно справедливо утверждение, что эта великая династия одарила благами цивилизации больше стран, нежели любая другая, облеченная верховной властью. Прославляя ее заме-

чательные свершения, многие народы микромира стали говорить, что Гной и цивилизация неразделимы.

Примечание (пять тысяч лет спустя)

Сами микробы величают себя суфласками. Издатели Полного толкового словаря наверняка прогорели бы, пытаясь исказить все значения этого слова своими дотошными определениями и заставить читателя до конца дней своих шараться от него, как от пугала. О, эта бесполезная, никчемная книга! Как она осторожна, хитра, ненадежна, эта конъюнктурная книга, эта отвратительная, бестолковая книга – Полный толковый словарь! Он преследует лишь одну цель – втиснуть в свой объем больше слов различных оттенков, чем у конкурента! В результате, когда ему удастся затуманить всем хорошо известное, нужное слово, оно отныне означает все вообще и ничего в частности. В бытность мою человеком мы, помнится, позаимствовали из другого языка слово «уникальный». Оно твердо и недвусмысленно значило «единственный в своем роде», «редкостный» – именно этот старший козырь в колоде, а не любой другой, один-единственный образец того, на что ссылался человек. Но потом этим словом завладел Толковый словарь и за волосы притянул к нему все значения, которые позаимствовал у не бог весть каких грамотеев, и вот полюбуйте теперь на бывшую девственницу! Я, разумеется, тоже не всегда проявляю долж-

ную разборчивость, но мне не хотелось бы появиться в обществе с этой дамой легкого поведения.

А теперь о слове «суфласк». В буквальном переводе оно означает на планете Блитцовского то же, что слово «человек» – Главное Существо Творения – означает на Земле, а именно: Божья Отрада, Избранник, Изумительное существо, Великая Сумятица, Венец Творения, Старший полковой барабанщик, Глава процессии. Суфласк – все это, вместе взятое, включая оттенки. Мне чрезвычайно трудно подыскать английский эквивалент, который вместил бы в себя все упомянутые значения и не дал бы течи, но я полагаю, что по смыслу больше всего подходит Громила Стекланный Глаз.

Я с самого начала величал так своих друзей-микробов, и это им очень нравилось. Отчасти потому, что слово красивое, иностранное, отчасти потому, что я намеренно смягчил перевод. Я объяснил микробам, что у меня на родине, в Главном Моляре⁴, этим словосочетанием пользуются талантливейшие поэты и оно означает «Радость Творца». Таким образом я ввел его в обиход в среде духовенства, поэтов, знаменитых ораторов и других достойнейших представителей нашего народа. Они произносили «Громила Стекланный Глаз» со странным, но приятным акцентом; слова эти звучали томно и зазывно в проповеди священника, отдавались раскатами грома и шелестом дождя в речи блестящего оратора, приобрели неслыханную популярность. Но услышав со-

---

⁴ Моляр – коренной зуб.

четание «Громила Стекланный Глаз» впервые с кафедры, я очень растерялся и едва справился с волнением.

Я часто употреблял и слово «микроб», называя так себя и других, и не находил в этом ничего обидного. Если б я раскрыл истинное значение этого слова – жалкое, снисходительное, микроскопическое, – мне бы не миновать беды, но я проявил благоразумие и тем самым спас себя. Я сказал, что в Главном Моляре так называют «То самое существо с Нравственным Чувством» и это всего лишь сухой научный термин для описания Верховного Владыки Живой Природы. Порой пустая болтовня ценится выше фактов и оплачивается лучше. «То самое» озадачило, ошеломило, сразило их наповал. Я знал, что так оно и будет. Даже словечко «тот» очень высоко ценится и человеком, и микробом, а уже «тот самый» – такая приманка, против которой никто не устоит. Я привык рисковать, а привычка – вторая натура, вот я и подшутил над ними, одарив их этим расчудесным титулом. И они, естественно, вели себя так, как и самый честный из нас в минуту растерянности, – взирали на меня с умным видом, без тени удивления, будто им все давно известно. Конечно же они решили, что я почерпнул это сокровище из глубочайшего кладезя премудрости у себя, в Главном Моляре. Если это так, они ни за что не выдадут своего невежества вопросом. Они даже не рискнут спросить, принято ли в Главном Моляре доверять премудрость кладезям.

Я не ошибся, потому что наперед знал тайный обычай лю-

дей и микробов: они не задают вопросов. По крайней мере, публично. Но один из них все же задал мне вопрос с глазу на глаз. Микроб заявил, что хотел бы побеседовать со мной по душам, называя вещи своими именами, и надеется, что наша беседа останется строго конфиденциальной.

– Я буду откровенен, – сказал он, – и прошу вас ответить мне тем же. Вы, вероятно, полагаете, что понятие «То самое существо с Нравственным Чувством» не ново для нас, но вы ошибаетесь. Спокойствие, с которым были восприняты ваши слова, – обман, мы никогда не слышали ничего подобного. Теперь это выражение стало банальным – его произносят умильно, им кичатся в равной степени и ученые, и невежды. Так что...

– Дорогой сэра, – прервал я его с некоторым самодовольством, – я отнюдь не заблуждался на этот счет, я и сам немного притворялся. Мне ясно, что идея, будто Нравственное Чувство свойственно лишь Громиле Стеклянному Глазу, – нова для вас и...

– Господь с вами, – воскликнул он, – эта идея вовсе не нова.

– А-а-а, – протянул я несколько обескураженно. – Так что же тогда ново?

– Как что? Тот смысл, что вы вложили в слова «То самое». Нас потрясло, что вы особо выделили эти слова, то, как вы их произнесли. Они вдруг прозвучали как высокое звание, как почетный титул. Новизна в том и заключается, что вы упо-

требили эти слова в похвальном значении. Мы никогда не сомневались, что Нравственное Чувство принадлежит лишь высшим животным. Помогите мне разобраться в другом. Мы считаем, что Нравственное Чувство учит нас отличать добро от зла. В Главном Моляре придерживаются того же мнения?

– Да.

– К тому же Нравственное Чувство помогает нам выяснить, что есть добро, и творить добро.

– Вы правы.

– Больше того – лишенные Нравственного Чувства, мы не могли бы постичь, что есть зло, и не могли бы творить зло. Понятия «зло» вообще бы не существовало. Все, что мы делаем, считалось бы добром – совсем как у низших животных?

– Согласен и с этим утверждением.

– Из всего сказанного следует, что назначение Нравственного Чувства – творить зло, ибо без него любой наш поступок расценивался бы как добро.

– Согласен.

– Значит, Нравственное Чувство помогает распознать зло и вдохновляет нас творить зло?

– Правильно.

– Следовательно, особая функция Нравственного Чувства – внушение, подстрекательство и распространение зла?

– А также добра, дорогой сэр, извольте признать и это.

– Прошу прощения, но добро мы могли бы творить и без

Нравственного Чувства, чего не скажешь о зле.

– Истинно так. Но, дорогой сэръ, способность творить зло – большая привилегия, она ставит нас на очень высокую ступень по сравнению с прочими животными. Вы не согласны с тем, что это – очень большое отличие?

– Да, как между настоящими и игрушечными часами. Он ушел, сильно раздраженный. Но с моей легкой руки сочетание «То самое» вошло в употребление и укоренилось в языке. С тех пор все микробы с презрением смотрят на низших животных, неспособных творить зло, и с самодовольством – на самих себя, потому что они на это способны. Мир микробов – мой мир, и, как истинный патриот, я восхищаюсь своими соотечественниками и горжусь ими, но, когда они начинают рассуждать, их логика ничуть не уступает в смехотворности человеческой. Б. б. Б.

Примечание (еще две тысячи лет спустя)

Предыдущее примечание было ошибочным. Тогда я еще не продумал этот вопрос как следует. Теперь я прекрасно сознаю, что Нравственное Чувство – ценный, точнее, неоценимый дар. Без него мы не стали бы тем, кем мы стали. Жизнь была бы тоскливой и состояла бы лишь из еды и сна – ни возвышенных помыслов, ни благородных целей; без Нравственного Чувства не существовало бы ни миссионеров, ни государственных деятелей, ни тюрем, ни преступников, не было

бы ни солдат, ни тронов, ни рабов, ни убийц – одним словом, не было бы цивилизации. Цивилизация не может существовать без Нравственного Чувства. Б. б. Б.

Мне часто доводилось бывать на приемах у императоров Генриленда. Порой они даже снисходили до беседы со мной. Такой чести не удостоивался ни один иностранец моего ранга за весь огромный промежуток времени, что занимает трон нынешняя династия. За все предшествующие века иностранец удостоился такой милости лишь однажды. Это событие произошло почти три миллиона лет тому назад. В память о нем воздвигли монумент. Он обновляется каждые пятьсот лет за счет добровольных пожертвований, взимаемых государством. Так повелел император, живший в те незапамятные времена и отличавшийся благородством и великодушием. Я очень горжусь тем, что этой высокой чести удостоился один из моих соплеменников – микроб холеры. Помимо этого факта о нем ничего не известно, разве только то, что он был иностранец. История умалчивает, из какой страны Блитцовского он был родом и за что был так обласкан императором.

Местные жители не испытывают ненависти к иностранцам, я бы сказал, что они не чувствуют к ним даже неприязни. Отношение к иностранцам здесь вполне терпимое – вежливое, но безразличное. Сами того не сознавая, местные жители смотрят на них сверху вниз. Всюду под небом Блитцовского иностранцы считаются существами низшего порядка.

Редким исключением является самая большая республика – Скоробогатия. Там любая захудалая знаменитость, прибывшая из-за рубежа, считается на голову выше первоклассной местной знаменитости; иностранец везде встречает столько восторженных поклонников, что диву дается, шампанским его угощают чаще, чем пивом в родных краях.

В монархиях Блитцовского все наоборот – там первоклассная знаменитость из Скоробогатии приравнивается к захудалой местной. Но знаменитость из Скоробогатии с удовольствием променяет славу у себя на родине на грошовый успех за границей.

Как я уже сказал, иностранец считается существом низшего порядка повсюду, кроме могучей республики Скоробогатии, снискавшей всемирную известность величайшей из демократий. Она занимает огромную территорию. Ее флаг реет над всем желудком Блитцовского – самой богатой, промышленно развитой территорией, обладающей к тому же самыми разнообразными материальными ресурсами в мире микробов. Республика Скоробогатия – одна из двух-трех значительных торговых центров планеты. Товарооборот Скоробогатии – внутренний и внешний – достиг колоссальных масштабов. В стране – прекрасно развитая транспортная система. Это делает республику распределительным центром всемирного значения. По валовому продукту Скоробогатия превосходит все страны планеты Блитцовского. Она импортирует сырье с севера, а ее суда экспортируют

продукты производства во все великие державы юга. Веками Скоробогатия демонстрировала свой эгоцентризм, проявляя заботу лишь о довольстве и процветании собственного народа и категорически отказывалась предоставить помощь нуждающимся малым странам в отдаленных частях Блитцовского. Лучшие люди страны стыдились этой политики. Они видели, как великая Сердечно-Сосудия посылает живительную кровь своей добросердечной цивилизации темным отсталым народам, погрязшим в порочной лени и восточной роскоши на окраинах планеты, не требуя взамен ничего, кроме безоговорочного подчинения и национального богатства; они видели, как империя Генриленд, расположенная далеко на пустынном севере, неуклонно и последовательно расширяет свои владения вниз по равнинной Плечевой Области до возвышенности на дальнем юге, именуемой поэтами и путешественниками Великими Холмами, и одаривает всех на своем пути счастьем и гноем, ничего не требуя взамен от благодетельствованных ею народов, кроме того, что у них есть; лучшие люди Скоробогатии видели все это и краснели от стыда за свою страну.

Движимые стыдом, они восстали против эгоцентризма внешней политики правительства Скоробогатии, дали ей бой на выборах, заменив более высокой и благородной, которую стали именовать «великодушной ассимиляцией»⁵. Это

---

⁵ Намек на исход испано-американской войны. В ходе войны США захватили Пуэрто-Рико, о. Гуам, Филиппины, оккупировали Кубу, формально объявлен-

было эпохальное достижение. Скоробогатия вышла из своей эгоистической изоляции, заняв подобающее положение среди Великих Пиратских Держав. Это произошло совсем недавно – каких-нибудь триста пятьдесят лет тому назад.

Очень далеко, посреди необозримых просторов Великого Уединенного моря затерялась группа островов, населенных безобидными бациллами. Ими кормятся неистовые *hispaniola sataniensis*, чья миссия – распространять болезнь в человеческом *trigonum*⁶. Этот архипелаг был великодушно ассимилирован могущественной республикой. Сначала земли хитроумно отторгли у владельцев с помощью самих владельцев, ничего об этом не подозревавших, потом земли скупили за большую цену у разгромленных и выдворенных за пределы страны иностранных завоевателей. Эта акция придала титулу Пиратская держава совершенство и даже элегантность. В добавление ко всем прочим знакам отличия, принятым на планете Блитцовского, она позволила Скоробогатии отныне именоваться Великой Державой. Новая Великая Держава на самом деле была не больше, чем раньше; присоединение к ее владениям нескольких кучек песка выглядело как присоединение колонии луговых собачек⁷ к гор-

---

ную независимой.

⁶ «*Hispaniola sataniensis*» – «Испанских сатанинских» микробов в природе не существует. Использовать «ученую» латынь – излюбленный пародийный прием М. Твена. Видимость достоверности его выдумке придает соседство с анатомическим термином. «*Trigonum*» – нижняя часть мочевого пузыря.

⁷ Луговые собачки – грызуны семейства беличьих.

ной цепи. Но видимость расширения владений была так велика, что появились понятия «до» и «после», как с парижским привязным аэростатом; когда оболочка аэростата плоско лежит на земле, прохожий ее не замечает, но тот же аэростат, поднявшийся высоко в воздух, — шарообразный, огромный, наполненный газом, — вызывает удивление и восхищение изумленного мира.

Бациллы — аборигены крошечного архипелага, принадлежат к тому виду, который ученый-блитцовчанин назвал бы «неболезнетворным». Они не возбуждают болезней. Это на редкость маленькие существа. Я видел несколько таких бацилл. Они не более пяти футов, разумеется, если смотреть на них глазами микроба. Человек видит обычную бациллу при увеличении в 100—120 раз, но разглядеть аборигенов с островов Великого Уединенного моря позволит лишь значительно более сильный микроскоп. Миллион бацилл на кусочке стекла — всего лишь пятнышко для невооруженного человеческого глаза, и я сомневаюсь, что он вообще заметит маленьких островитян. Они крошечные, как их архипелаг, но, послушав разговоры о присоединении архипелага к республике Скоробогатии, можно было подумать, что она аннексировала четыре кометы, да еще созвездие в придачу.

Первый император, которого мне выпала честь лицезреть, был Генрих Великий. Не первый носитель этого имени, нет, мой государь был восемьсот шестьдесят первым Генрихом Великим. По закону и по обычаю его именовали

Seiner Kaiserliche durchlaustigstehochbegabtergot-tallmachtiger
Восемьсот Шестьдесят Первый des Grosser⁸. Звучит по-немецки, но это отнюдь не немецкий язык. Многие из восьмисот шестидесяти Генрихов Великих заслужили этот завидный титул, произведя на свет наследников, когда в них ощущался дефицит; некоторые получили его за руководство военными действиями и прочими формами резни и кровопролития, кое-кто – за блестящие достижения по линии «великодушной ассимиляции», за то, что продавались, точно шлюхи, церкви, за то, что одаривали аристократов государственными землями и деньгами из государственной казны, назначали им огромные пенсии, остальные получили этот титул за то, что с умным видом помалкивали, отдавая должное великим достижениям своих министров иностранных дел и не вмешивались в эти дела. Последних благодарная нация причисляет к героям, память о которых бессмертна. В их честь воздвигаются монументы. Воздвигаются народом на добровольные пожертвования – истинно доброхотные деяния. И когда памятники со временем разрушаются, народ восстанавливает их снова.

Как я уже отметил, мой Генрих Великий был восемьсот шестидесятым первым по счету. Три тысячи лет тому назад, когда я впервые появился в мире микробов, мне выпала неслыханная честь предстать перед императором, событие почти невероятное, ведь я был иностранец и к тому же неблагород-

---

⁸ Иронический титул, пародирует длину немецких составных слов.

ного происхождения. Мой септ⁹ – микробы холеры – принадлежит к болезнетворным микробам, поэтому знать часто ведет происхождение из их числа, но сам я не знатный и даже не был принят в высшем свете. Когда мне приказали явиться ко двору, это вызвало сенсацию.

А поводом для приглашения явилось следующее. Некогда при загадочных обстоятельствах яйцо американской блохи попало в кровь Блитцовского, и появившаяся на свет блоха затонула. Ее останки превратились в окаменелость¹⁰. Это произошло почти четыре миллиона лет тому назад, когда бродяга был мальчишкой. В бытность свою человеком я занимался наукой и остался ученым в душе и после того, как меня превратили в микроба.

Палеонтология – моя страсть. Вскоре после появления на Блитцовском я занялся поиском окаменелостей. Обнаружил несколько окаменелых останков, и эта удача сделала меня членом научного общества. Пусть общество было скромное, малоизвестное, но в сердцах его членов горела та же страстная любовь к науке, что и в моем собственном

---

⁹ Септ (зд.) – племя, клан.

¹⁰ М. Твен собирался поподробнее остановиться на этой теме. Он и раньше обуздывал увлечение своих соотечественников «чудесами» (Окаменелый человек), а теперь намеревался высмеять стремление «ученых мужей» теоретизировать, опираясь на ничтожное количество фатов. Герой упоминает об окаменелых бронтозаврах, открытых в Вайоминге: «теперь мне и не верится, что мы считали бронтозавра доадамовой коровой».

Примечание (семь тысяч лет спустя)

Многое стерлось из памяти за семь тысяч лет, прошедших с тех пор, но я все еще помню самые незначительные происшествия, связанные с моим вступлением в это славное братство. Как-то мы устроили пирушку – очень скромную, разумеется, потому что все мы были бедны и зарабатывали на жизнь каким-нибудь нехитрым ремеслом. Пирушка удалась на славу. Я не преувеличиваю, потому что в те времена мы чаще голодали, чем пировали. Угощали нас красными и белыми кровавыми тельцами. Из них приготовили шесть разных блюд – от супа и ростбифа с кровью до пирога. Красные были с душиком, но Том Нэш¹¹ рассмешил нас, остроумно заметив зато и от цен не захватывает дух. Что он сказал дальше, я позабыл, но до сих пор считаю – это была самая остроумная шутка, которую я когда-либо слышал. И главное – он сострил так небрежно, не задумываясь, будто походя бросил какую-то незначущую фразу. Том... А может быть, не Том? Пожалуй, сострил Сэм Боуэн, или Джон Гарт, или Эд Стивене – во всяком случае, кто-то из них, уж это я помню наверняка. Да, памятное было событие для таких молодых ребят, как мы. Нам и в голову не приходило, что мы творим историю! Мог ли я предвидеть, что о нашей скромной пи-

---

¹¹ М. Твен дал приятелям рассказчика имена друзей своего детства, живших в Ганнибале.

рушке сложат песню, что она навеки сохранится в предании, что о ней напишут в школьном учебнике и в беспристрастной хронике! Мог ли я предвидеть, что случайно брошенные мною слова народ сохранит, как сокровище, и будет благоговейно повторять их до тех пор, пока последний микроб, упав за смертью, не приложится к народу своему. Пожалуй, самой удачной частью моей речи на этой пирушке было заключение. Отдавая дань восхищения истинным аристократам науки и ее энтузиастам, я сказал:

– Джентльмены, в своем труде в своем труде Ладно, это я проверю в какомнибудь издании Всемирной истории. А, впрочем, вспомним! Джентльмены, в научной лаборатории нет места ни надутым титулованным особам, ни новоиспеченной знати. Наука – республика, и все ее граждане – равноправные братья, ее принцы Монако, ее «каменщики» Кро-марты¹², равнодушные к рукотворным наградам и прочей мишуре, все, как один, на высочайшем уровне!

Разумеется, мои приятели не поняли, на что я ссылаясь, а я не стал утруждать себя объяснениями, но все равно – концовка прозвучала великолепно. Мое красноречие привело их в восторг. Дар слова – вот главное, а отнюдь не содержание речи Б. б. Б

Я не тосковал по утраченной Америке Я был счастлив сре-

---

¹² ...«каменщики» Кро-марты – очевидно, речь идет о масонах «шотландского обряда», наиболее могущественного ордена масонов.

ди друзей, поклонников, помощников.

В те дни, с какой стороны ни посмотри, я был устроен в жизни на зависть хорошо. Жил в сельской местности, в сонной деревушке неподалеку от столицы, соседями моими были бесхитростные крестьяне, чьи странные обычаи и еще более странный говор я с удовольствием изучал. В самой деревушке и в ее окрестностях жили миллиарды крестьян, но казалось, что их не так уж много и живут они очень разбросанно, потому что у микробов миллиард – сушая чепуха. Места здесь были чрезвычайно красивые, климат здоровый, куда ни глянь – перед тобой уходящие вдаль и скрывающиеся в дымке зеленые луга, пересеченные прозрачными реками, сады и леса, наполненные звоном птичьих голосов, они простираются до самых уступов величественных гор, чьи суровые очертания изломанной линией вырисовываются на горизонте, – ясная, умиротворяющая панорама, всегда безоблачная и светлая, ибо на планете Блитцовского не бывает ночи. То, что для человеческого глаза – крошечная тьма, для микроба – полдень, волшебный, нежный, великолепный полдень. Миссия микроба сурова и безотлагательна, он редко спит, пока с годами его не одолеет усталость.

А какой видится здешняя неприступная скала человеку? Для него она меньше бородавки. А здешние прозрачные сверкающие реки? Нити паутины, крошечные капилляры, которые можно рассмотреть только под микроскопом. А здешнее бездонное беспредельное небо – обитель грез? Для

подслеповатых человеческих глаз оно просто не существует. Для моего острого совершенного зрения весь этот необъятный простор полон жизни и энергичного движения, непрерывного движения. Ведь я вижу не только молекулы, составляющие все вокруг, но и атомы, составляющие молекулы, а человеческий глаз не различает их даже при помощи самого сильного микроскопа. Для человека атомы существуют лишь теоретически, он не может проверить факт их существования опытом. Но поразительный аппарат – человеческий мозг – измерил невидимую молекулу, измерил точно, подсчитал многочисленные составляющие ее электроны и подсчитал их правильно, не видя ни единого, – непостижимый успех!

Возьмем, к примеру, такого человека, как сэр Оливер Лодж¹³. Разве какая-нибудь тайна природы укроется от него? Он заявляет: «Миллиард – тысяча миллионов атомов – это поистине колоссальное число, и все же такая совокупность атомов едва различима под самым сильным микроскопом; самая крошечная крупинка или гранула, которую можно разглядеть невооруженным глазом, подобно ликоподиевой пылинке, должна быть в миллион раз больше».

Лишь тогда человеческий глаз различит ее, эту крошечную частицу. Глазами микроба я могу увидеть каждый из миллиарда вращающихся атомов, составляющих пылинку. Ничто не пребывает в покое – ни дерево, ни железо, ни вода; все движется, неистовствует, вращается, летит – днем и но-

---

¹³ Лодж Оливер (1851 – 1940) английский физик

чью, ночью и днем, неподвижности не существует, смерти не существует, все полно жизни – торжествующей, всеобъемлющей жизни, даже кости крестоносца, павшего под Иерусалимом восемь столетий тому назад. Понятия «растительный» не существует, все вокруг животного происхождения, каждый электрон – это животное, каждая молекула – это стадо животных, и каждый из них имеет свое предназначение и душу, которую нужно спасти. Ведь рай создан не только для человека, и все остальные божьи твари вовсе не должны пребывать в забвении. Бог дал каждому из них свое скромное предназначение, они выполнили его и не будут забыты, каждый будет вознагражден по заслугам. Человек, этот тщеславный спесивый пустослов, думает, что он будет жить в раю среди себе подобных. Его ждет разочарование. Пусть научится смирению. Если б он не давал кров и хлеб насущный презренным микробам и вечно гонимым бациллам, его незачем было бы сотворять. Это и есть его миссия, смысл его существования, так пусть делает свое дело и помалкивает.

Три недели тому назад я и сам был человеком, думал и чувствовал, как человек. Но с тех пор прошло три тысячи лет, и я понял всю глупость человеческого существования. Мы живем, чтобы учиться, и счастлив мудрец, умеющий извлекать из учения пользу.

V

В своих микроскопических исследованиях мы имеем несомненное преимущество перед земными учеными. Как я уже указывал, мы видим невооруженным глазом то, что не обнаружит ни один созданный человеком микроскоп, поэтому мы можем получить фактические данные о явлениях, лишь теоретически известных земным ученым. И, разумеется, мы располагаем фактическими данными о некоторых явлениях, не известных на Земле даже теоретически. К примеру, на Земле не подозревают о том, что не существует иных форм жизни, кроме животной, что все атомы – животные, каждый из которых наделен в большей или в меньшей степени разумом, своими симпатиями и антипатиями, доброжелательностью или враждебностью – одним словом, каждый атом имеет характер, свой собственный характер. А дело обстоит именно так. Некоторые молекулы камня испытывают отвращение к молекулам какого-нибудь растения или другого существа и ни за что не хотят вступать с ними в связь. Но если бы они и захотели, им бы это не позволили. Никто так не привередничает, выбирая окружение, как молекула. На молекулярном уровне кастам нет числа, даже Индия не идет с ними ни в какое сравнение.

Я часто вспоминаю разговор, который имел по этому поводу с одним из своих приятелей, известным ученым по име-

ни Бблбгксуи; чтобы не сломать язык, я называл его просто Бенджамин Франклин – звучит похоже, во всяком случае, когда имя приятеля произносит иностранец, оно звучит почти как «Франклин», если не как «Смит». Я уже сказал, что мы с ним обсуждали эти вопросы, и я до сих пор помню его отдельные замечания, хотя многое улетучилось из памяти. Впрочем, это не имеет значения: в свое время я записал весь разговор и привожу запись из дневника.

Запись из дневника

Франклин – микроб желтой лихорадки, но говорит на ломаном, дьявольски безграмотном щитовидно-дифтеритном диалекте, который я понимаю с трудом из-за его убийственного акцента. О, если б он знал латынь, но, к сожалению, он ее не знает. Просто поразительно, эти бациллы признают только свой язык и не учат иностранных. А впрочем, ничего странного тут нет: на планете Блитцовского столько иностранных языков, что и не знаешь, с какого начать. А у меня особый талант к иностранным языкам, я люблю их изучать. Трата времени для меня не проблема. Мне ничего не стоит изучить шесть иностранных языков за час (по микробскому времени, разумеется, черт бы побрал эту путаницу во времени!).

Должен признаться, у меня уже голова трещит от этих пересчетов. Когда речь идет о координатах микробского вре-

мени, мне все ясно, потому что я уже несколько столетий живу по микробскому времени; некогда привычное мне человеческое время перестало быть привычным, я уже не могу спокойно и уверенно обращаться с единицами этого времени, когда хочу найти для них соответствующий микробский эквивалент. Это естественно. С незапамятных времен микробское время было для меня реальностью, а человеческое – грезой; одно было настоящим и ярким, другое – далеким и туманным, расплывающимся, призрачным, лишенным сути. Иногда я закрываю глаза и пытаюсь вспомнить лица, столь дорогие мне в бытность мою человеком в Америке. Как они безмерно далеки, отделенные от меня бездной времени, – смутные иллюзорные тени, плывущие в мареве мечты. Все, все, что осталось там, – мираж.

Когда я начал это маленькое повествование полторы секунды тому назад, мне все время приходилось прерывать работу и копаться в памяти, отыскивая там полузабытые человеческие единицы измерения времени, которыми я не пользовался, про которые не вспоминал целую вечность! Это было так трудно, я так часто ошибался и злился на себя, что ради спокойствия души и точности повествования бросил писать и разработал таблицу перевода микробского времени в человеческое, чтобы отныне руководствоваться лишь ею. Привожу эту таблицу.

Эквиваленты времени

Человеческое (приблизительно) – Микробское

1/4 сек равняется 3 ч

1/2 сек – 6ч

1 сек – 12ч

2 сек – 24 ч

15 сек – 1 неделя

30 сек – 2 недели

60 сек – 1 месяц

10 мин – 1 год

1 ч – 6 лет

1 день – 144 года

1 неделя – 1008 лет

1 год – 416 лет

Пауза для комментария

Дневник откладываю в сторону

Перевод времени в секундах и минутах в таблице неточен. Месяц у микробов продолжается дольше шестидесяти секунд по человеческому времени, он равен одной минуте

двенадцати секундам. Я пользуюсь приблизительной величиной, потому что так удобнее в повседневной жизни. Я пытался подыскать эквивалент человеческого времени для одного микробского часа, но он сокращался, убывал, таял на глазах и наконец вовсе исчез прямо из-под пера, не оставив и следа.

В приближении, доступном моему пониманию, микробский час равен одной пятидесятой человеческой секунды. Положим, что так оно и есть. В свое время я считался лучшим математиком Йельского университета, да я и сейчас слышу лучшим математиком на планете Блитцовского, специалистом по микробской математике, но в человеческой математике я теперь профан. Пытался вновь овладеть полузабытым искусством, но память подводит. В те далекие дни в Йельском университете я знал математику в совершенстве, недаром меня называли королем математиков. И это было справедливо – люди приезжали издалека, чтобы посмотреть, как я вычисляю время затмения на Венере. Для меня не составляло никакого труда произвести в уме двенадцать вычислений одновременно. Тогда-то я и изобрел логарифмы, а теперь вот сомневаюсь, как правильно написать это слово, не то чтобы решать логарифмические уравнения, – тут меня любой второкурсник заткнет за пояс.

Это были замечательные дни, замечательные. И они никогда не вернуться. В этой скоротечной жизни все проходит, ничто не вечно. Я почти совсем забыл человеческую табли-

цу умножения. Семь с лишним тысяч лет тому назад я еще помнил, что девятью четыре будет сорок два и так далее. Но какое это имеет значение? Когда я закончу свой труд, таблица умножения мне больше не понадобится. А если сейчас потребуется сделать какие-нибудь вычисления, можно воспользоваться и местной таблицей умножения, а потом перевести ее в человеческую. А впрочем, местная таблица вряд ли подойдет, в мире микробов все так мало по сравнению с земным. И «девятью четыре» в микробском измерении вряд ли означает по-английски что-нибудь заслуживающее внимания. В такую мелочь трудно вложить смысл, понятный читателю.

А теперь, когда с исчислением времени все ясно и нет больше досадной путаницы и неразберихи с его пересчетом, возвращаюсь к разговору с Франклином.

Дневник (продолжение)

– Франклин, вы согласны с тем, что все сущее состоит из индивидов, наделенных сознанием, к примеру, каждое растение? – спросил я.

– Согласен, – ответил он.

– И каждая молекула, составляющая это растение, – индивид и обладает сознанием?

– Разумеется.

– И каждый атом, входящий в состав молекулы, – индивид

и обладает сознанием?

– Да.

– В таком случае, имеет ли растение в целом – дерево, например, чувства и симпатии, присущие именно дереву?

– Конечно.

– Как они возникают?

– Из совокупности чувств и симпатий, которыми наделена каждая молекула, составляющая дерево. Эти чувства и симпатии – душа дерева. Благодаря им дерево чувствует себя деревом, а не камнем и не лошадыю.

– А бывают ли чувства, общие и для камней, и для лошадей, и для деревьев?

– Да, чувства, вызываемые действием кислорода, в большей или меньшей степени свойственны всем трем. Если бы химические соединения, из которых состоит камень, были бы такие же, как у дерева, и в тех же пропорциях, камень не был бы камнем. Он был бы деревом.

– Я тоже так считаю. А теперь скажите – кислород входит в состав почти всего живого, интересно, сообщает ли кислород организму какое-нибудь особое чувство, которое ему не способна передать ни одна другая молекула?

– Разумеется. Кислород – это темперамент, единственный источник темперамента. Там, где мало кислорода, темперамент дремлет, там, где его больше, темперамент проявляется ярче, а там, где его еще больше, разгораются страсти и с каждой добавкой – все сильнее. Если же кислород нагнета-

ется и нагнетается в пламя, распаяя темперамент, бушует пожар. Вы замечали, что некоторые растения держатся очень спокойно и миролюбиво?

– Да, замечал.

– Это все потому, что в них мало кислорода. Бывают растения, в которых кислорода много. Встречаются и такие, в которых кислорода больше, чем всего прочего. И вот результат: у розы очень мягкий характер, у крапивы – вспыльчивый, а у хрена – просто необузданный. Или взять бацилл. Некоторые из них чересчур мягкосердечны; это из-за нехватки кислорода. Зато микробы туберкулеза и тифа накачались кислородом по уши. Я и сам горяч, но, к чести моей будет сказано, не веду себя, как эти разбойники, и даже будучи вне себя от гнева, помню, что я джентльмен.

Любопытные мы создания! Порою я спрашиваю себя: найдется ли среди нас хоть один, кому чужд самообман? Франклин верил в то, что говорил, он был вполне чистосердечен. Однако всякий знает – стоит микробу желтой лихорадки разгорячиться, он один заменит целую толпу разбойников. Франклин ждал, что я признаю его за святого, и у меня хватило бы благоразумия это сделать, чтоб он меня, чего доброго, не изувечил. Спорить с ним – значило лезть на рожон: любое замечание могло, как искра, воспламенить его кислород.

– Скажите, Франклин, и океан тоже индивид, животное, живая особь? – спросил я немного погодя.

– Конечно, – ответил он.

– Следовательно, вода – любая вода – индивид?

– Несомненно.

– Положим, вы взяли каплю воды из океана. То, что осталось, индивид?

– Разумеется, и капля – тоже.

– Теперь допустим, что каплю поделили на две части.

– В таком случае мы имеем два индивида.

– А если разделить кислород и водород?

– Тогда мы получаем два индивида, но воды больше не существует.

– Ясно. А если соединить их снова, но другим способом, в равной пропорции – одна часть кислорода на одну часть водорода?

– Но вы сами знаете, что это невозможно. В равной пропорции они не соединяются.

Мне стало стыдно: допустить такую грубую ошибку! Пытаясь скрыть неловкость, я пробормотал, что у меня на родине подобные соединения получали. Я решил стоять на своем.

– Что же выходит? Вода – индивид, живая особь, наделенная сознанием; удаляем водород, и он тоже – индивид, живая особь, наделенная сознанием. Вывод: два индивида, соединяясь, образуют третий, но тем не менее каждый из них остается индивидом.

Я посмотрел на Франклина и умолк. Я бы мог обратить его внимание на то, как сама безгласная природа открыва-

ет великую тайну Троицы, понять ее может даже самый заурядный ум, а тьма ученых краснобаев безуспешно пытается объяснить ее словами. Но Франклин просто не понял бы, о чем идет речь. Поколебавшись мгновение, я продолжал:

– Выслушайте меня и скажите, прав ли я. К примеру, все атомы, составляющие молекулу кислорода, – самостоятельные индивиды, и каждый из них является живой особью; в каждой капле воды – миллионы живых существ, и каждая капля сама по себе – индивид и живое существо, как и огромный океан. Так?

– Да, именно так.

– Черт подери, вот это здорово!

Франклину очень понравилось мое выражение, и он тут же занес его в блокнот.

– Итак, Франклин, мы все разложили по полочкам. Но подумать только, ведь существуют живые особи еще меньше атома водорода, а он так мал, что в одной молекуле их – пять тысяч. Да и молекула такая крошечная, что, попади она микробу в глаз, он и не заметит.

– Да, крошечные существа селятся в теле микроба, питаются им, заражают его болезнями. И зачем только их произвели на свет? Они терзают нас, делают нашу жизнь невыносимой, убивают микробов. Зачем все это? В чем здесь высшая мудрость? Ах, друг мой, Бксхп, в каком странном, непостижимом мире мы живем! Рождение окутано тайной, короткая жизнь – тайна и страдание, а потом – уход, уход на-

всегда. И всюду – тайна, тайна, тайна. Мы не знаем, как мы появились и зачем, не знаем, куда уходим и зачем. Мы знаем лишь, что созданы не напрасно, а с мудрой целью, и что все к лучшему в этом лучшем из миров! Мы знаем, что нам воздастся за все страдания, что нас не бросят на произвол судьбы. Так наберемся же терпения, перестанем роптать, преисполнимся веры. Самый ничтожный из нас не обделен любовью, верьте мне – эта быстротечная жизнь еще не конец!

Вы заметили? Он даже не догадывался о том, что и сам грызет, терзает, заражает, разлагает, убивает кого-то – он сам и несметное число его сородичей. И ни один из них об этом не подозревает, вот что интересно. Все наводит на мысль неотвязную, неотступную: а что, если процессия известных и упомянутых мучителей и кровопийц на этом не кончается? Тогда возникает предположение и даже уверенность, что и человек – микроб, а его планета – кровавый шарик, плывущий вместе со сверкающими собратьями по Млечному пути – артерии Владыки и Создателя всего сущего. Может стать, его плоть, чуть видимая с Земли ночью, ибо она тут же исчезает в необозримом пространстве, и есть то, что люди именуют Вселенной?

VI

Что ж, Франклин, – сказал я, – «*Care diem —, quam minimum credula postero*» * (латынь. Это значит: «будь мудр и пей, не упускай счастливый случай. Лишь боги ведают, когда кувшин наполнен будет вновь» – **М.Т.** ¹⁴)

Франклин очень обрадовался, когда я перевел это высказывание, и тут же протянул мне блокнот, чтоб я занес его туда. Он был так потрясен мудростью этих слов, что решил начертать их в виде девиза и повесить у себя в гостиной вместо «Боже, благослови сей дом», чтоб призыв был постоянно перед глазами. И пока я выполнял его просьбу, Франклин умудрился выпить дважды. Я ничего не сказал, но, кажется, для практических целей этой короткой жизни мудрости ему не занимать.

Я извинился перед гостем, что не провожаю его до двери; давняя невыносимая известность и преследования поклонников были тому причиной. Он все понял. У дома на сотни ярдов вокруг колыхалась обычная толпа любопытных, надевавшихся посмотреть на меня хоть одним глазком. Франклин произвел мгновенный подсчет мультोगрафом и сообщил мне, что число собравшихся – 648 342 227 549 113. Это произвело на него впечатление, и он прищелкнул пальцами,

---

¹⁴ «Мир уловляй, меньше всего веря грядущему». Гораций. Книга I ода XI. Перевод Гека – пародийная шутка М. Твена.

что на языке жестов означало: «За славу приходится расплачиваться, магистр!»

О, боже! С тех пор, как стал знаменитостью, я миллионы раз слышал эту банальную фразу. Каждый произносит ее с видом первооткрывателя, словно его осенила бог знает какая остроумная идея, и пыжится, будто открыл четвертое измерение. А ведь шутка лежит на поверхности, и до нее может додуматься любой, у кого мозги не набекрень. Она и разряда тех шуток, что скудоумные остряки отпускают по поводу имен. Познакомишь такого остряка с человеком по имени Терри, остряк тут же засияет, как солнце, вышедшее из-за тучи.

– Ах, вы Терри! А это – ваша ТЕРРИтория. – и кудахчет до потери сознания над жалким тухлым яйцом собственной кладки Ему невдомек, что с момента появления Терри на свет не проходило дня, чтобы кто-нибудь не снес при нем это яйцо. А Твен? Твен... как же его звали? Майк? Да, пожалуй, Майк, хоть я слышал о нем очень давно, столетия тому назад в том почти забытом мире, где я тогда обретался, помню, я читал его книги, но не помню, о чем они Впрочем, постойте, он был вовсе не писатель, этот Твен, а художник... художник или селекционер. Да, да, селекционер, теперь я вспомнил! Твен был родом из Калифорнии, и звали его Бербанк¹⁵. он творил чудеса – выводил новые, совершенно немыслимые виды цветов, плодовых и разных других деревьев, получил

---

¹⁵ Бербанк Лютер (1849 – 1926) – американский селекционер-дарвинист.

всемирную известность, а потом был повешен – несправедливо, по мнению многих. Как-то раз Твен выходил из салуна, и ему представили некоего господина; тот, услышав фамилию Твен, засиял, как солнце, вышедшее из-за тучи, и радостно закричал

– Двен, аДВЕНтист! «И кто принудит тебя идти с ним одно милю, иди с ним ДВЕН?»¹⁶

Твен при всем народе выстрелил в шутника пять раз, и он, скорчившись, упал на тротуар и умер у всех на глазах, к огорчению некоторых очевидцев. Весь штат единодушно требовал, чтобы смертный приговор Твену заменили сроком в Конгрессе или тюрьме – запомнил где, – и сам губернатор охотно пошел бы на это, если бы Твен покался. Но Твен заявил, что не может лгать, и некоторые ему поверили он как-то срубил вишневое деревце¹⁷, потому что не может лгать. И тут вдруг выяснилось, что он уже уколошил десятки шутников обоого пола за эту самую шуточку, но почему-то держал это в тайне, и тогда было решено оставить приговор в силе, хотя все вокруг и даже Россфелт¹⁸, президент Соединенных Штатов Америки, признавали, что такие шутники –

---

¹⁶ «И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два» (Мф. 5: 41).
Английская игра слов: «твен» – «два»

¹⁷ Твен пародирует хрестоматийный рассказ о детстве первого американского президента. Дж. Вашингтон, срубив вишневое деревце, сознался в своем поступке отцу, добавив, что не может лгать.

¹⁸ «Россфелт». – Марк Твен намеренно искажает фамилию президента Теодора Рузвельта.

никчемные люди.

Да, что и говорить, память – удивительная и на редкость капризная машина. Ни порядка, ни системы, никакого понятия о ценности – всегда вышвыривает золото и сохраняет пустую породу. Вот я с такой легкостью припомнил уйму пустяковых фактов, относящихся к тем далеким туманным временам, а математику – хоть убей! – припомнить не могу. Я злюсь, но понимаю, что память у всех на один лад и я не имею права жаловаться. К примеру, на днях произошел любопытный случай. Историк Уизпргфски (произносится «Толливер» **М. Т.**) рассказывал о старине; вдруг ни с того ни с сего в его памяти отвалилась нижняя полка, и оттуда вылетели все известные ему собственные имена. И пока историк пребывал в этом нестабильном состоянии, он не мог назвать ни одного генерала, поэта, патриарха, ни другой знаменитости, зато так и сыпал вымыслами, легендами, рассказами о битвах, революциях и прочих бесплотных фактах. А когда наконец вернулась память на собственные имена, отвалилась другая полка, и пропала целая охапка глаголов. Стоило ему начать «И вот пришло время и Ггггмммдв (произносится как валлийское имя „Ллтвбдв“ – **М. Т.**) ...», как он садился на мель, потому что нужное слово вылетело из головы. Мне приходилось самому подыскивать подходящий глагол, чтобы он мог продолжить свой рассказ. И я подсказывал «хфснзз». Когда «н» в ударном положении, это слово означает «начал разлагаться», а когда в безудар-

ном, «хфснзз» – причастие прошедшего времени и означает «разложение уже завершилось», то есть микроб уже умер. Но в действительности это не совсем так на Блитцовском, как я уже ранее упоминал, такого явления, как смерть, не существует. Слово «хфснзз» с «н» в ударном положении употребляется лишь в поэтических текстах, но и в поэзии оно не означает, что жизнь прекратилась, – нет, она «ушла». Мы не ведаем, к кому она ушла, но все равно она где-то здесь, рядом. Многие молекулы, составлявшие организм прежнего хозяина, благодаря которым он двигался, чувствовал, иными словами – жил, разбрелись и соединились в новые формы и теперь продолжают свою деятельность в растениях, птицах, рыбах, мухах и других существах; со временем за ними последуют и остальные, и когда в отдаленном будущем последняя кость рассыплется в прах, освободившиеся молекулы опять станут искать себе подобных и продолжат свою нескончаемую работу. Вот почему у нас, микробов, нет слова, означающего, что микроб мертв в человеческом понимании этого слова, – нет, молекулы кислорода постепенно разбредутся и покинут прежнюю обитель группами и целыми компаниями, они определяют темперамент хрена, тигра, кролика – в той степени, в которой это требуется каждому из них. Молекулы водорода (юмор, надежда, веселье) понесут дух радости тем, кому его недостает, – поднимут сникший цветок или другое существо, павшее духом. Глюкоза, уксусная кислота – одним словом, все, что составляло прежнего

хозяйина, — будут искать новую обитель, найдут ее и продолжат свою работу; ничто не утратится, ничто не погибнет.

Франклин признает, что атом неразрушим, что он существовал и будет существовать вечно, но он полагает, что когда-нибудь все атомы покинут этот мир и продолжают свою жизнь в другом мире, более счастливом. Старина Толливер тоже полагает, что атом вечен, но, по его мнению, Блитцовский — единственный мир, в котором атом пребудет, и что за всю свою бесконечную жизнь ему не будет ни лучше, ни хуже, чем сейчас, чем было всегда. Разумеется, Толливер считает, что и сама по себе планета Блитцовского — нечто вечное и неразрушимое, по крайней мере, он говорит, что так думает, но мне-то лучше знать, иначе б я затосковал. Ведь у нашего Блитци вот-вот начнется белая горячка

Но это все чужие человеческие мысли, меня можно понять превратно — будто я не хочу, чтоб бродяга здравствовал. Что случится со мной, если он начнет разлагаться? Мои молекулы разбредутся во все стороны и заживут своей жизнью в сотнях растений и животных; каждая молекула унесет с собой свое особое восприятие мира, каждая молекула будет довольна своим новым существованием, но что станет со мной? Я утрачу все чувства до последнего, как только закончится мой, вместе с Блитцовским, распад. Как я отныне буду думать, горевать или радоваться, надеяться или отчаиваться? Меня больше не будет. Я предамся мечтам и размышлениям, поселившись в каком-нибудь неведомом животном,

скорей всего – в кошке; мой кислород вскипит от злости в другом существе, возможно – в крысе; мой водород унаследует еще одно дитя природы – лопух или капуста, и я подарю им свою улыбку и надежду на лучшее; скромная лесная фиалка, поглотив мою уголекислоту (честолюбие), размечтается о броской славе и красоте – короче говоря, мои компоненты вызовут не меньше чувств, чем раньше, но я никогда об этом не узнаю, все будет для блага других, я же совсем выйду из игры. И постепенно, с течением времени я стану убывать – атом за атомом, молекула за молекулой, пока не исчезну вообще; не сохранится ничего, что когда-то составляло мое «я». Это любопытно и впечатляюще: я жив, мои чувства сильны, но я так рассредоточен, что не сознаю, что жив. И в то же время я не мертв, никто не назовет меня мертвым, я где-то между жизнью и смертью. И подумать только! Века, эры проплывут надо мной, прежде чем моя последняя косточка обратится в газ и унесется ветром. Интересно, каково это – беспомощно лежать так долго, невыносимо долго и видеть, как то, что было тобой, распадается и исчезает, одно за другим, словно затухающее пламя свечи, – вот оно дрогнуло и погасло, и тогда сгустившийся мрак... Но нет, прочь, прочь ужасы, давайте думать о чем-нибудь веселом!

Моему бродяге только восемьдесят пять, есть основания надеяться, что он протянет еще лет десять – пятьсот тысяч лет по микробскому исчислению времени Да будет так!

Продолжение старых записей в дневнике

VII

Я дождался, пока Франклин скроется из виду, а потом вышел на балкон и с наигранным удивлением посмотрел на толпу, которая все еще не расходилась, надеясь увидеть меня хотя бы мельком. Привычный гром аплодисментов и гул приветствий я встретил с выражением смятения и ужаса; оно так эффектно глядится на фотографиях и в набросках художников, я же довел его до совершенства, упражняясь перед зеркалом. Потом мастерски изобразил удивление, смешанное с почти детской простодушной благодарностью, что в хорошем исполнении всегда имеет успех, и убежал, точно скромная девица, застигнутая в момент, когда на ней нет ничего, кроме румянца. На огромную толпу это произвело самое сильное впечатление; в раскатах счастливого смеха слышались выкрики:

– Ну и миляга!

Читатель! Ты потрясен и презираешь меня, но будь снисходителен. Разве ты не узнаешь себя в этой неприглядной картине? Но это ты! Еще не родился тот, кто не хотел бы оказаться на моем месте; еще не родился тот, кто отказался бы занять его, предоставься ему такая возможность. Мальчишка-микроб бахвалится перед приятелями; юноша-микроб фиглярствует перед девчонками-бациллами, изображая из себя пирата, солдата, клоуна – кого угодно, лишь бы об-

ратить на себя внимание. И, добившись своего, он на всю жизнь сохраняет потребность быть на виду, хоть лицемерит и притворяется, что избавился от нее. Но избавился он не от желания быть на виду, а от честности.

Итак, будь снисходителен, мой читатель, ведь честность – это все, от чего я избавился, вернее, от чего мы с тобой избавились. А иначе мы бы оставались в душе детьми, что весело прыгают на коленях у мамочки, изображая петушка и курочку, а сами посматривают на гостей, ожидая одобрения. Гостям мучительно стыдно за ребенка, как вам мучительно стыдно за меня; впрочем, вам только кажется, что вам стыдно за меня, – вам стыдно за себя: разоблачив себя, я разоблачил и вас.

Мы ничего не можем с собой поделать, не мы себя создали, такими уж нас произвели на свет, значит, и винить себя не в чем. Давайте же будем добрыми и снисходительными к самим себе, не будем огорчаться и унывать из-за того, что все мы без исключения с нежного возраста и до могилы – мошенники, лицемеры и хвастуны, не мы придумали этот факт, не нам и отвечать за него. Если какой-нибудь ментор попытается убедить вас, что лицемерие не вошло в вашу плоть и кровь и что от него можно избавиться, усердно и непрестанно совершенствуя свою натуру, не слушайте его: пусть сначала усовершенствуется сам, а уж потом приходит с советами. Если он человек честный и доброжелательный, то испытает на себе со всей искренностью и серьезностью средство,

рекомендованное им, и больше не покажется вам на глаза.

Столетиями я сохранял неоспоримую репутацию скромной знаменитости, которая тяготится вниманием публики и держится в тени. Что ж, я заслужил такую репутацию. Хорошо продуманными хитрыми уловками. Я играл свою роль ежедневно много столетий подряд, играл уверенно и вполне достоин такой награды. Я подражал королям: они не часто являются народу, а популярностью дорожат больше всего на свете. Популярность – вот главное очарование власти, без нее власть – тяжкое бремя, и любой король, стена и вздыхая, променял бы свой престол на место, где работы меньше, а шумной известности – больше. Предание приписывает старому Генриху МММММДСХХII по прозвищу «Неукротимый» откровенное высказывание: «Да, я люблю восхваления, пышные процессии, почести, благоговейное внимание, люблю ажиотаж вокруг меня. Скажете – тщеславие? Но не являлся еще миру тот, кто не любил бы всего этого, особенно бог».

Я начал было рассказывать вам, как сделался знаменитостью, но сильно уклонился в сторону. Отчасти – потому, что я давно отвык писать и утратил способность сосредоточиваться. Поэтому я так разбрасываюсь. Есть и другая трудность – мне хотелось написать свою историю по-английски, но я остался недоволен собой: и слова, и грамматика, и правописание – все, что связано с языком, улетучилось из моей памяти, стало чужим. А стиль! Стиль – это почти все. Стиль

напоминает фотографию: чуть не в фокусе – и изображение смазилось, в фокусе изображение отчетливое и ясное. Надо давать правильную наводку на резкость – формулировать каждую мысль абсолютно точно, прежде чем дернуть за шнурок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.